

УДК 811.512.111

ББК 81.635.1

Научная статья

**ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ
С РУССКИМИ ПРЕФИКСАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ**

П. В. Васильева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

vasyavasyamips@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические формы глаголов чувашского языка, выражающие аспектуальные и акционсартовые значения, в сопоставлении с префиксальными глаголами русского языка. Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения семантических и функциональных характеристик аналитических конструкций со вспомогательными глаголами, а также перспективой использования результатов исследования при создании морфологического анализатора для Национального корпуса чувашского языка. Теоретико-методологическую базу составили материалы научных трудов по тюркской и русской аспектологии, примеры взяты из текстов художественной литературы. В работе особое внимание уделяется проблеме десемантизации вспомогательных глаголов и их роли в формировании дополнительных смысловых оттенков. В качестве примеров рассмотрены конструкции типа «деепричастие + вспомогательный глагол», а именно — со вспомогательным глаголом *ил* (брать). Автор статьи приходит к выводу, что данный глагол, утрачивая собственную семантику, выражает значения различных способов действия: начинательность, результативность, кратковременность, интенсивность и др. Установлено, что соответствующие значения в русском языке преимущественно выражаются с помощью префиксов. Категория вида в чувашском языке продолжительный период вызывала научные дискуссии. В настоящее время наличие грамматической категории вида в чувашском языке опровергается, а ее выражение в большей степени связано с вышеупомянутой аналитической конструкцией и контекстом.

Ключевые слова: аналитическая форма глагола, вспомогательный глагол, префиксация, способ глагольного действия, категория вида

Для цитирования: Васильева П. В. Глагольные аналитические формы чувашского языка в сопоставлении с русскими префиксальными глаголами // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 72 — 82

© Васильева П. В., 2026

Scientific article

**VERBAL ANALYTICAL FORMS OF THE CHUVASH LANGUAGE
IN COMPARISON WITH RUSSIAN PREFIXED VERBS**

P. V. Vasileva

Chuvash State Institute of Humanities,

Cheboksary, Russia

vasyavasyamips@gmail.com

Abstract. The article examines the analytical forms of the Chuvash verbs expressing aspectual and non-aspectual meanings in comparison with prefixed verbs in Russian. The

relevance of the work is due to the need to clarify the semantic and functional characteristics of analytical constructions with auxiliary verbs, as well as the potential application of the results in the development of a morphological analyzer. The theoretical and methodological basis is based on materials from scientific papers on Turkic and Russian aspectology, with examples taken from literary texts. Special attention is paid to the problem of desemantization of auxiliary verbs and their role in the formation of additional semantic nuances. Constructions such as «adverbial + auxiliary verb» constructions, particularly those with the auxiliary verb *il* ('to take'), are analyzed. The author of the article comes to the conclusion that this verb, losing its lexical meaning, expresses various types of action, including initiative, effectiveness, short duration, intensity, etc. It is shown that the corresponding meanings in Russian are mainly expressed using prefixes. The category of aspect in the Chuvash language has been the subject of scientific discussions for a long period. Currently, the existence of a grammatical aspectual category in the Chuvash language is often questioned, and its expression is more closely related to the aforementioned analytical construction and context.

Keywords: analytical verb form, auxiliary verb, prefix, type of verbal action, type category

For citation: Vasileva P. V. Verbal analytical forms of the Chuvash language in comparison with Russian prefixed verbs // Modern humanities. 2026;2(2):72 — 82

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЧĔЛХИНЧИ ГЛАГОЛĂН АНАЛИТИКА ФОРМИНЕ ВЫРĂС ЧĔЛХИНЧИ ПРЕФИКСПА ПУЛНĂ ГЛАГОЛСЕМПЕ ТАНЛАШТАРНИ

П. В. Васильева

Чăваш патшалăх гуманитарнă аслăлăхĕсен институчĕ,

Шупашкар хули, Раççей

vasyavasyamips@gmail.com

Аннотаци. Статъяра чăваш чĕлхинчи глаголсен аспект тата акционсарт пĕлтерĕшĕсене палăртакан аналитика формисемпе вырăс чĕлхинчи префикслă глаголсене танлаштарнă. Тĕпчевĕн актуаллăхĕ пулăшу глаголĕсемлĕ аналитика формисен семантика тата функци уйрăмлăхĕсене палăртассипе сыхăннă, ун результатĕсемпе чăваш чĕлхин электрон корпусĕн морфологи анализаторне тунă чухне уçă курма пулĕ. Тишкерÿре тĕрĕк тата вырăс чĕлхе пĕлĕвĕнчи аспектологи ыйтăвĕсемпе сырнă ĕссемпе уçă курнă, тĕслĕхĕсене илемлĕ литературăран илнĕ. Статъяра чăваш чĕлхинчи пулăшу глаголĕсем хайсен тĕп пĕлтерĕшне сушатнипе тата хушма пĕлтерĕш сĕмĕсем палăртма пултарнипе сыхăннă ыйтусене *ил* пулăшу глаголĕпе пулнă «деепричасти + пулăшу глаголĕ» конструкции тĕпе хурса пăхса тухнă. Асăннă глагол хайĕн пĕлтерĕшне сухатса ĕс характерĕн тĕрлĕ енне палăртма пулăшат: ĕс пуçламăшне, вĕсне, ĕс пĕр хут е кĕске вăхăтра пулса иртнине, вайлатăва тата ытнине те. Кунашкал пĕлтерĕшсем вырăс чĕлхинче ытларах глагол сума префикс хушăннипе пулаççĕ. Хай вăхăтĕнче чăваш чĕлхинче вид категорийĕ пуррипе суккине сÿтсе явнине асăнса хăварнă. Хальхи саманара чăваш чĕлхинче кунашкал грамматика категорийĕ пуррипе килĕшмесĕ, вăл вара ытларах маларах асăннă конструкцире тата контекстра палăрат.

Тĕп сăмахсем: глаголăн аналитика форми, пулăшу глаголĕ, префиксаци, ĕс характерĕн тĕрлĕ енĕ, вид категорийĕ

Цитатăлама: Васильева П. В. Чăваш чĕлхинчи глаголăн аналитика формине вырăс чĕлхинчи префикспа пулнă глаголсемпе танлаштарни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 72 — 82

Введение

Проблема изучения сложновербальных аналитических форм глагола и их классификации в тюркских языках, включая чувашский, относится к числу давно обсуждаемых в лингвистике, однако до настоящего времени сохраняет ряд нерешенных аспектов. В частности, при анализе таких глагольных форм возникает вопрос о статусе вспомогательного глагола: в одних случаях он сохраняет элементы лексического значения, в других — подвергается десемантизации или переходит в разряд фразеологизмов. Схожие трудности наблюдаются и в русском языке при рассмотрении префиксации глагола: префикс имеет собственное независимое от глагола значение и, соединяясь с ним, вносит в него совершенно новое значение, или же он с самого начала универсален и приобретает лексическое значение, лишь «приклеиваясь» к глаголу?

Попытки сопоставительного анализа указанных явлений в русском и чувашском языках выводят исследование на более широкий теоретический уровень, затрагивающий проблему категории вида и способов глагольного действия. Дискуссионным остается вопрос о наличии и характере выражения видовых значений в чувашском языке, а также о способах их корреляции с русской видовой системой. В этой связи особую значимость приобретает обращение к аналитическим конструкциям, образованным при помощи деепричастия и вспомогательного глагола, как к одним из средств выражения аспектуальных и акционсартовых значений.

В работе основной акцент делается на исследовании аналитических форм глагола в чувашском языке, состоящих из сочетаний деепричастия с аффиксом *-ca/-ce* или *-a/-e* со вспомогательным глаголом. Особое внимание уделяется их семантическим, функциональным и формальным характеристикам. Мы предпринимаем попытку выявить закономерности употребления вспомогательного глагола *ил* (брать) в формировании дополнительных оттенков значения.

Материалы и методы

Теоретической базой выступили изданные в разные годы работы исследователей тюркских и русского языков по вопросу наличия или отсутствия глагольного вида в тюркских языках, по проблемам тюркской аспектологии; значения русского глагольного вида и видообразующей функции префиксов. При написании статьи применялся сопоставительный метод, который позволил определить некоторые схожие способы глагольного действия в русском и чувашском языках и различие их формального проявления. Для выявления соответствий вспомогательного глагола *ил* с перфективированными глаголами в русском языке мы также обращались к методу функционально-семантического анализа. Для подтверждения наших слов в качестве примеров в статье приведены выдержки из текстов художественной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Аналитические формы, представляющие собой сочетания основного и вспомогательного глаголов, исторически возникли из свободных синтаксических конструкций и постепенно подверглись грамматикализации. Однако некоторые вспомогательные глаголы утратили свое основное значение лишь частично, поэтому могут присоединяться не ко всем глаголам. И. П. Павлов указывает на следующие критерии, при наличии которых глагол можно считать неполнозначным:

1) у вспомогательного глагола нет зависимых слов, в составе «сложных» (*хутлӑ глагол*) или «составных» (*хутӑш глагол* [8; 14]) глаголов могут быть только частицы;

2) в составе «сложных» (*хутлӑ глагол*) или «составных» (*хутӑш глагол*) глаголов пропадает переходность вспомогательного глагола. Ее можно определить при помощи лексического значения основного глагола [14, с. 222 — 223].

Э. Е. Лебедев на данном этапе рассмотрения вопроса в отношении носителей акционсартовых значений уточняет, что термины «сложные глаголы» и «составные глаголы» не применимы к аналитическим глагольным формам, один из компонентов которого полностью или частично утратил самостоятельное лексическое значение [10]. Под этими терминами «в грамматической традиции понимается сочетание двух или более равноценных слов, имеющих самостоятельные лексические значения»¹. Ученый предлагает использовать иные термины, позволяющие точнее отразить как функционально-содержательные, так и формальные аспекты явления — «сложновербальная форма» и «аналитическая форма» [10].

Добавим, что И. П. Павлов приводит в качестве примеров полнозначные глаголы [14, с. 224 — 228]:

1) *пурӑн: Икӗ ҫула яхӑнах хуларӑ вӗренсе пурӑнтӑм* — «Я на протяжении двух лет в городе учился»;

2) *кӗрт: хирсе кӗрт* — «воткнуть, вогнать» (букв.: «подпирая, засунуть»), «втыкать», *хӑваласа кӗрт* — «загнать» (букв.: «гоняя, засунуть»);

3) *ан: юкса ан* — «стечь» (букв.: «стекая, спуститься») и др.

В подобных словосочетаниях каждое слово имеет самостоятельное лексическое значение. И. А. Андреев подмечает, что автор, помимо добавления именных сказуемых, не дает «формально-языковых критериев... разграничения» глаголов, употребляемых в служебной функции и как знаменательные лексические единицы [1, с. 200 — 201].

Так, «сложные» и «составные глаголы» могут быть отнесены к компонентам синтаксических конструкций. В данной же работе интерес представляют аналитические глагольные конструкции на основе сочетаний типа «деепричастие + вспомогательный глагол (а именно — *ил*)». В них, в отличие от синтаксических конструкций, отсутствует синтаксическая связь. Кроме того, они имеют одно основное лексическое значение.

По словам В. Г. Егорова «вспомогательные глаголы в чувашском языке по своему значению приблизительно соответствуют префиксам и видовым особенностям русских глаголов» [12, с. 178]. Н. К. Дмитриев же вводит понятие «идеи вида», однако она проходит только в глаголах прошедшего времени изъявительного наклонения².

Впервые проблема глагольного вида стала предметом широкого обсуждения на межреспубликанском координационном совещании по грамматике тюркских языков в 1956 г. В своем докладе Б. А. Серебренников предложил называть «глаголы в сочетании с различными вспомогательными глаголами “видовыми классами”»³, потому что в значении длительности и совершенности возникают до-

¹ Реформатский А. А. Введение в языкознание: учебное пособие для пед. ин-тов. Москва: Учпедгиз, 1960. 431 с.

² Серебренников Б. А. Проблема глагольного вида в тюркских языках // Тезисы докладов научно-практической конференции «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958. С. 20.

³ Там же. С. 30.

полнительные лексические значения. Позднее он продолжил развивать проблему и пришел к выводу, что видовые классы подвержены «закону избирательности в грамматике», где «характеристика глагольного действия у незначительного числа глаголов почему-то получает грамматическое выражение, а у остальных не получает» [16, с. 24]. Необходимо отметить, что исследователь разграничивает понятия «вид» и «видовые классы». Вид проявляется в способности любой глагольной формы выразить добавочное грамматическое значение, а вспомогательный глагол при этом показывает, как именно происходит переход к новому действию, поэтому выражение совершенности или несовершенности глагольного действия всегда ограничено особым оттенком. Так семантика вспомогательного глагола не является видовой и «не каждая видовая категория способна охватить всю глагольную лексику» [11, с. 232]. Мы разделяем точку зрения Б. А. Серебренникова, в соответствии с которой необходимо понимать, что глагольный вид как морфологическая категория проявляется исключительно в языках, которые располагают специальными морфологическими средствами для выражения видовых различий, что предполагает существование у глагола одного вида формы, соотносительной с другим видом. Также это явление должно носить, если не тотальный, то регулярный характер, что слабо проявляется в чувашском языке.

Известный российский тюрколог Д. М. Насилов был в числе первых, кто предпринял попытку теоретического обоснования существования в тюркских языках особых форм, выражающих способы действия глагола, и отсутствия в них грамматической категории вида, сопоставимой с русским противопоставлением совершенного и несовершенного видов. Он выделил два типа значений у сочетаний со вспомогательными глаголами: они либо передают «пространственную характеристику действия», либо «приобретают значение видовой категории в других языках», указывая на особенности развития действия как такового, т. е. обладают, по сравнению с пространственными параметрами, более обобщенными значениями грамматических способов действия [13, с. 10].

М. П. Чхаидзе в работе над «спаренными глаголами» в марийском языке уделяет внимание бивербальным конструкциям в тюркских языках, где признает, что при выражении аспектуальных значений в них «устанавливается приоритет контекста над формой»⁴. Схожей мысли придерживается Ф. А. Ганиев. Он выделяет в татарском языке восемь групп акциональных значений: 1) начинательность, 2) направленность, 3) длительность, 4) многократность, 5) частичное развитие действия, 6) внезапность, 7) результативность, 8) завершенность [5, с. 55].

Частичную классификацию способов глагольного действия приводит Г. А. Анисимов в статье «Некоторые аспектуальные функции глагольных словосочетаний в чувашском языке»: 1) направительные; 2) фазовые; 3) длительные; 4) многократные; 5) результативные; 6) мгновенные; 7) интенсивные; 8) сативные; 9) стативные и др. [3].

Несмотря на попытки распределения способов глагольного действия по смысловым группам, сделать это в полной мере все еще не представляется возможным.

⁴ Чхаидзе М. П. Проблема спаренных глаголов: на материале марийского языка и других языков различных типов: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.00.00 / Ин-т языкознания АН СССР, Вычислит. центр АН Груз. ССР. Москва; Тбилиси, 1967. С. 19 — 20.

В «Русской грамматике» (1980) дана более подробная классификация — способы глагольного действия трактуются как «семантико-словообразовательные группировки» и подразделяются на три группы, различающиеся по своим самым общим значениям:

- 1) уточнения характера протекания действия во времени;
- 2) количественно-временной характеристики действия;
- 3) уточнения характера достигаемого действием результата [15, с. 596].

Далее кратко представим указанные способы в виде таблицы, чтобы обосновать употребление вспомогательных глаголов в составе аналитической формы глагола и показать, какие приставки в русском языке будут являться эквивалентами. Здесь необходимо отметить, что эта классификация не раскрывает всех значений способов глагольного действия в русском языке, также не каждый способ применим к аналитическим формам глаголов в чувашском языке (в частности, к вспомогательному глаголу *ил*). Таблица дана в сокращенном виде.

Таблица

Способы глагольного действия (далее с. д.) [15, с. 596 — 604]

Первая группа	Вторая группа		Третья группа
Временные	Количественно-временные (действие уточняется в отношении одноактности или краткости его совершения)	Количественно-временные (действие неограниченно-длительное, кратно повторяющееся)	Специально-результативные, выражающие дополнительные оттенки результативности
Начинательный. Выражает значение начала действия, имеющего две разновидности: — приступа к действию, начального фазиса действия; — начала и продолжения действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижения результата в процессе возникновения действия)	Одноактный. Выражает действие, совершаемое один раз, мгновенно	1. Многократный. Выражает неоднократную повторяемость. 2. Прерывисто-смягчительный. Означает длительно-прерывистое и ослабленное в своем проявлении действие, осуществляемое время от времени. 3. Длительно-смягчительный. Означает длительное и при этом ослабленное действие	1. Комплетивный (или завершительный). Значение достижения результата осложнено значением завершенности, законченности, доведения действия до его конечной фазы. 2. Интенсивно-результативный. Означает полноту и исчерпанность результата, тщательность, иногда — в сочетании со значением интенсивности и экспрессивности действия

Впредь мы будем придерживаться данного подхода к содержательно-смысловому разграничению аналитических форм глаголов, состоящих из самых распространенных и продуктивных сочетаний деепричастия на *-са (-се)* и *-а (-е)* со вспомогательным глаголом.

Значение основного и дополнительного действия деепричастия отмечает Н. А. Андреев в своей монографии «Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пай. Морфологи» [2, с. 111]. В первом случае деепричастие является частью аналитической конструкции и становится лексически доминирующим ком-

понентом, тогда как во втором случае является зависимым компонентом словосочетания.

Стоит отметить, что префиксация глагола в русском языке рассматривается как процесс словообразования (С. Карцевский, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов), однако В. В. Виноградов, в свою очередь, провозглашает видовую пару формами одного глагола, но не конкретизирует, какие именно приставки и в соединении с какими глаголами превращаются в формообразующий префикс [4]; в тюркских же языках это процесс словоизменения (А. А. Юлдашев, Д. М. Насилов, В. Г. Гузев, Л. Н. Харитонов), при котором вспомогательный глагол имеет не только грамматическое значение, но и сообщает деепричастию дополнительные оттенки [6, с. 214].

К глагольным приставкам современного русского языка относятся следующие морфемы (с их алломорфами): *в-* (*во-*), *вз-* (*вс-*, *взо-*), *вы-*, *до-*, *за-*, *из-* (*ис-*, *изо-*), *на-*, *над-* (*надо-*), *о-* (*об-*, *обо-*), *от-* (*ото-*), *пере-*, *по-*, *под-* (*подо-*), *при-*, *про-*, *раз-* (*рас-*, *разо-*), *с-* (*со-*), *у-* [9, с. 149]. В качестве их функциональных аналогов можно привести следующие вспомогательные глаголы или «аспектуализаторы» [10]: *кай*, *хур*, *кӱлар*, *ӱк*, *сит*, *пыр*, *кил*, *лар* (*ларт*), *кӱр*, *ил*, *яр*, *тӱр*, *юл*, *ирт* (*ирттер*), *тул*, *савӱр*. Рассмотрим аналитическую форму со вспомогательным глаголом *ил* (брать, взять).

Этот вспомогательный глагол в подавляющем большинстве случаев подвергается десемантизации. Мы обнаружили, что «лексически ослабленный компонент» [7, с. 28] может выражать как минимум четыре различных значения.

1. Первое значение переходного вспомогательного глагола фигурирует применительно к письменному (*сырса ил*) или графическому (*ӱкерсе ил*) действию. Э. Е. Лебедев подобные формы глаголов относит к группе значений эготива и адрессива, отражаемых через действия, совершаемые «в интересах субъекта либо другого лица» [10, с. 135].

Рассмотрим примеры:

Ху шутлатӱн, сынна сырса илме намастӱн — усӱ курасран хӱратӱн. — Сырса илни сана мӱн усси нур? (М. Трубина) «Сам решаешь, человеку **списать** не даешь — боишься, что используют. — Какая тебе польза от списывания?»;

Юратнӱ вӱл сакӱ юрра тахсанах, тетрачӱ сине сырса илнӱ ӱна (П. Хусанкай) «Любила она эту песню давно, в тетрадь **выписала** ее»;

Сапах та сӱвву нитӱ килӱшет. Сырса илме юрать-ши ӱна? (И. Тукташ) «И все же стихотворение твое очень нравится. Можно ли его **переписать**?».

В данных примерах второй компонент глагольной формы ослаблен, способ действия не всегда выражает завершенность или предельность, когда объект излагает просьбу или задает вопрос, предполагающий возможность действия. В следующем примере вспомогательный глагол, вероятно, не до конца утрачивает собственное лексическое значение:

Хушаматне сырса илчӱс-и? Тухтӱр патне кӱрес умӱн малтан сырӱнмаллине эӱн пӱрремӱш хут илтетӱн (Е. Лисина) «Фамилию **вписали** (букв.: “записывая, взяли”)? Я в первый раз слышу о том, что перед тем, как зайти к врачу, нужно записаться».

Помимо двух приведенных глагольных форм, к рассматриваемой группе справедливо отнести и сложновербальную форму *сывласа ил*. Она выражает начало действия, его процесс и результат, не членимый на отдельные фазисы. На наш взгляд, некорректно включать ее в число глагольных форм со значением

мгновенного или кратковременного действия, так как длительность совершения этого самого действия становится ясна лишь при наличии контекста, тогда как при отдельном рассмотрении *сывласа ил* имеет значение эготива:

Астров пёр хушй кахси тинёс синелле тунсәхлй кушна пәхса ларчё, унтан ассан сывласа илчё те йәлкәйша кулчё (А. Артемьев) «Астров какое-то время смотрел на вечернее море, затем глубоко **вдохнул** и радостно улыбнулся».

2. Второе значение глагола может подразумевать распространение чего-либо по всей доступной площади, в русском языке выражается приставочно (за-):

Тўпене хура пёлетсем хупласа илчёс (Г. Харлампьев) «Небо **затянули** черные тучи»;

Тахсантанна хырйманнипе хура сухал пусса илнё арсынна (Н. Андреев) «Из-за того, что давно не брился, мужчина **зарос** бородой».

Способ действия, возможно, одновременно и длительно-смягчительный, и результативный у формы глагола *хупласа ил* (здесь глагол в значении «слегка, немного»):

Кётери, кулса ярас марччё тесе, питне хупласа илет (В. Иванов-Паймен) «Чтобы не засмеяться, Катерина **прикрывает** лицо руками».

3. Третье значение предполагает моментально произошедшее действие (оно может быть представлено как одноактный с. д. — в прошедшем времени, и как многократный с. д. — в настоящем времени), которое в русском языке выражается как приставочно (*по-* — *пәхса ил* — посмотреть, *вз-/вс-* — *пәхса ил* — взглянуть), так и бесприставочно при помощи суффикса *-ну-*, и прерывисто-смягчительный способ действия:

Яким Якимч, футбол нек зап-заврака хырәмне зат-зат! запса, кулса илчё (Л. Агаков) «Яким Якимч, похлопав по круглому, словно футбол, животу, **улыбнулся**»;

Унчен те пулмарё — сицём йәлт-ялт сицсе илчё те пўрт тәрринчех хыт-тән кёмсёр-кёмсёр турё! (В. Алентей) «Вдруг молния **сверкнула**, и над самой крышей дома громко загрохотало!».

В тех случаях, когда аналитическая форма глагола употребляется в настоящем времени, а в русском языке глагол без суффикса *-ну-* — значение способа действия меняется на интенсивное или на многократно повторяемое:

Сайра қәлтәрсем, кевер чул евәр, йәлтәр-йәлтәр сицсе илещё (М. Сунтал) «Иногда звезды, словно бриллианты, **сверкают**»;

«...Қәләңә сана нурпәр пулмасть!» — *сёсё сицсе илет уйәх сутинче* (С. Шавлы) «“...Спасенья тебе все равно не будет!” — нож **сверкает** на свете луны».

Иногда аналитическая форма глагола привносит коннотацию переносного значения:

Пулә тытассё-ши?..» — шухәш сицсе илчё ман пусра (Г. Харлампьев) «“Рыбу ловят?..” — мысль **промелькнула** в моей голове»;

Пўлём умёнче самрәк сын тәнине курсан унйән кусёсем сицсе илчёс, тўрленерех те васкарах утма тытәнчё (А. Ырьят) «Когда она увидела стоящего перед комнатой молодого человека, ее глаза **сверкнули**, начала идти ровнее и торопливее».

4. Последнюю группу значений составляют формы глаголов чувственного восприятия и мыслительной деятельности, которые в русском языке выражаются приставочно (*по-*, *до-*, *вс-*):

«...Мăшкăлласийн мар-и ку манран?» — тесе **шухăшласа илчĕ** Ваçли мучи (И. Мучи) «“...Он не поиздеваться надо мной хочет?” — **подумал** дед Василий»;

Ак ёнтĕ Ванюк мĕншĕн килтен тухса кайнине те **тавçăрса илчĕ** Коля (Н. Мранька) «Теперь Коля **догадался**, почему Ваня сбежал из дома».

Патне ситсенех Илюк **астуса илчĕ**: ку магазин патĕнче вăл пĕррехинче Матроспа тата Артистпа пулнăччĕ... (Л. Агаков) «Как только подошел ближе, Илюк **вспомнил**: около этого магазина он однажды бывал с Матросом и Артистом...»

В данном случае аналитические формы глаголов могут указывать на начальный фазис действия (начинательный с. д.) и на полноту и исчерпанность результата в сочетании со значением экспрессивности действия.

Приступая к практическому анализу слова *ил*, мы в первую очередь обратились к «Чувашско-русскому словарю» (1982), где обнаружили несоответствия. В 14-м пункте авторы сообщают о возможности слова выступать «в роли вспомогательного глагола с деепричастиями другого глагола», но не пишут о его значении (как под словами *тăр* или *пăх*). Помимо этого, ошибочно приведены примеры, в которых *ил* выступает в качестве полнозначного глагола и встречается рядом с именами существительными: *аса ил* — «вспомнить» (букв.: «память взять»), *кайса ил* — «принести» (букв.: «сходив, купи»), *кăларса ил* — «вынуть, украсть» (букв.: «вытащив, взять»). Это говорит о том, что морфология глагола изучена не до конца, необходимо выявлять каждый подобный случай. В зависимости от контекста может меняться роль второго компонента в одном и том же сочетании.

Заключение

В русском и чувашском языках выделяются аналогичные группы значений (например, начинательность, результативность, длительность), однако способы их выражения обнаруживают специфику: в русском языке акцент сделан на префиксацию, тогда как в чувашском ключевую роль играют аналитические конструкции с вспомогательными глаголами. Это подтверждает частичную сопоставимость систем и свидетельствует об их структурной специфике.

Данные проблемы нуждаются в дальнейшем изучении, так как текущие классификации остаются фрагментарными и не охватывают все возможные значения. Кроме того, современные технологии машинного перевода и анализа текстов требуют точного понимания языковых явлений. Исследование способов действия в русском и чувашском языках может стать основой для улучшения алгоритмов обработки естественного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев И. А. [Рец. на:] Павлов И. П. Современный чувашский литературный язык. Морфология (на чувашском языке) / Ученые записки ЧНИИ. Вып. 32. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. С. 193 — 204.
2. Андреев Н. А. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пай. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1964. 184 с.
3. Анисимов Г. А. Некоторые аспектуальные функции глагольных словосочетаний в чувашском языке // Проблемы словосочетаний в тюркских языках: материалы научной сессии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. С. 26.
4. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99 — 152.

5. Ганиев Ф. А. Вопросы морфологии татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 80 с.
6. Горский С. П. Очерки по истории чувашского литературного языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 272 с.
7. Егорова О. Г. Глагольное словосочетание в чувашском и русском языках. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 166 с.
8. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I: Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 151 — 239.
9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Изд. 2-е. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2003. 880 с.
10. Лебедев Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 164 с.
11. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии: монография. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
12. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I: Морфология. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 360 с.
13. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Ленинград: Наука, 1989. 208 с.
14. Павлов И. П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. 343 с.
15. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: Наука, 1980. 783 с.
16. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

REFERENCES

1. Andreev I. A. [Review:] Pavlov I. P. Modern Chuvash literary language. Morphology (in Chuvash) / Scientific Notes of the Chuvash Research Institute. Ser. 32. Cheboksary;1966:193 — 204. (In Russ.)
2. Andreev N. A. Chăvash chĕlhin stilistiki. 2-mĕsh pai. Morphologi. Shupashkar;1964:184. (In Chuvash)
3. Anisimov G. A. Some aspectual functions of verbal phrases in the Chuvash language // Problems of word combinations in Turkic languages: Materials of the scientific session. Cheboksary;1975:26. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on the material of Russian and related languages) // Issues of theory and history of language in the light of I. V. Stalin's works of on linguistics. Moscow;1952:99 — 152. (In Russ.)
5. Ganiev F. A. Issues of the morphology of the Tatar language. Kazan;1980:80. (In Russ.)
6. Gorsky S. P. Essays on the history of the Chuvash literary language. Cheboksary;1959:272. (In Russ.)
7. Egorova O. G. Verbal phrases in the Chuvash and Russian languages. Cheboksary;2009:166. (In Russ.)
8. Egorov V. G. Verb // Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Part I: Morphology. Cheboksary;1957:151 — 239. (In Russ.)
9. Isachenko A. V. Grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak: Morphology. Ed. 2nd. Moscow;Vienna;2003:880. (In Russ.)
10. Lebedev E. E. Actionsart values of complex verbal analytical forms in the Chuvash language: monograph. Cheboksary;2016:164. (In Russ.)
11. Maslov Yu. S. Essays on aspectology: monograph. Leningrad;1984:263. (In Russ.)
12. Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Part I: Morphology. Cheboksary;1957:360. (In Russ.)
13. Nasilov D. M. Problems of Turkic aspectology. Actionality. Leningrad;1989:208. (In Russ.)
14. Pavlov I. P. Halhi chăvash literatură chĕlhi. Morphologi. Shupashkar;1965:343. (In Chuv.)
15. Russian grammar. In two volumes. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. Vol. I. Moscow; 1980:783. (In Russ.)
16. Serebrennikov B. A. Categories of time and aspect in the Finno-Ugric languages of the Perm and Volga groups. Moscow;1960:300. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 29.05.2026

Информация об авторе:

Васильева Полина Владимировна, младший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6453-2177>, vasyavasyamips@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 29.05.2026

Information about the author:

Polina V. Vasileva, junior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6453-2177>, vasyavasyamips@gmail.com

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 29.12.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӑн 16.02.2026 ырланӑ; 29.05.2026 пичете йышӑннӑ.

Автор сӑнчен:

Васильева Полина Владимировна, Чӑваш патшалӑх гуманитарн
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн кӗсӗн ӑслӑлӑх ӗстешӗ
(428015, Раҫсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6453-2177>, vasyavasyamips@gmail.com

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал сӑрайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.